

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗ-ЗА
ДЕВЧОНКИ

**Евгений Туинов
Валерий Алексеевич Алексеев
Юрий Козлов
Нина Орлова
Ирина Полянская
Иван Иванович Зюзюкин
Из-за девчонки (сборник)**
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6666427
Из-за девчонки: Дет. лит.; Москва; 2013
ISBN 978-5-08-005036-7*

Аннотация

В сборник включены произведения современных писателей о первой любви.
Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

От редакции	5
Иван Зюзюкин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Иван Зюзюкин, Валерий Алексеев,
Юрий Козлов, Евгений Туинов,
Ирина Полянская, Нина Орлова**
Из-за девчонки
Роман, повесть, рассказы

От редакции

Как ты уже догадался, читатель, эта книга посвящена первой любви, чувству, которое составляет главную муку и счастье человеческого сердца.

Почему так случается, что какой-то человек вдруг становится тебе дороже и интереснее, чем ты сам, а встречи с ним, редкие и мимолетные, оказываются настоящим праздником?

Почему, даже когда его нет рядом, он все равно с тобой? Ты разговариваешь с ним, делишься впечатлениями, не соглашаешься, споришь...

Говорят, что влюбленные идеализируют друг друга. Это не совсем так. Просто любящему сердцу дается особое зрение – видеть в любимом его лучшие качества, его идеальное начало, то, что есть в каждом, но часто скрывается за преходящим и сиюминутным.

И влюбленный человек, стремясь оказаться достойным того идеала, который для него, несомненно, воплощен в любимом, начинает сам тянуться вверх, старается стать лучше, добрее, умнее.

Отсюда и все безумные поступки влюбленных, их беспримерная храбрость и щедрость и в то же время почти детская незащищенность, ранимость, обидчивость.

А что общего у героев нашего сборника? У них есть душа, и она болит – от любви безответной и неразделенной, от разлуки, от предательства. И порой кажется, что с этой мукой невозможно смириться, ее невозможно пережить. Но, по словам учительницы главного героя романа «Из-за девчонки», «жить-то надо, и человеком оставаться надо... Страдай, злись, рви, мечи! Но человеком, миленький, оставайся».

Ты увидишь, читатель, что герой нашей книги не просто «остается человеком». Переживший свою первую любовь, он становится другим – повзрослевшим, понимающим, чутким к чужой боли.

Иван Зюзюкин Из-за девчки Школьный роман ¹

¹ © Зюзюкин И. И., 1982

Неровная линейка

Рано утром первого сентября Рублёв глянул в окно: небо затянуло чем-то похожим на грязноватую марлю. Уже собрался идти в школу – и здрасте! – пошел мелкий, угнетающе беззвучный дождь. Пришлось срочно надевать нейлоновую куртку с капюшоном, которую ему прислали дорогие родители. Она ему не очень-то нравилась: траурно-черная, с белыми иероглифами на спине. Ходи и думай, что там написано?...

Но вот он вышел из дома (с ума сойти какого длинного, за длину прозванного «китайской стеной»), и на душе стало немного легче. Не одному ему топтать по такой мокряди. Из всех шестнадцати подъездов валил учащийся народ. От бодреньких зародышей из первых классов до высоченных, чуть ниже Останкинской телебашни, десятиклассников... Вон и Севка Барсуков, дворовый его приятель, на что лентяй несусветный, и тот решил сегодня не опаздывать. Что значит первый день учебы!..

Салютнул Севке рукой.

– Как жизнь?! – издали спросил тот.

– В п-полосочку, – уклончиво ответил Рублёв и подался в свою сторону.

Они с Севкой учатся в разных школах. Его, Рублёва, родители устроили в специальную. Нижайший поклон им за это...

Около школы сиротливо мокли жиденькие березки – детища весенних воскресников. Под скатами крыши, распушившись и недовольно потряхивая головами, сидели голуби. А в самой школе уже происходило могучее коловращение классов. На всех этажах и лестничных переходах стоял невероятный гвалт. Говорили сразу все, и все при этом друг друга слушали. Что-то крича, бегали, сплачивали ряды учителя. Они широко открывали рты, но их, как в немом кино, не было слышно.

Из-за непогоды линейку решено было проводить не во дворе, как обычно, а в самой школе. Пришлось ученические ряды вписывать в прямоугольник холла, фланги распределять на втором этаже.

– Восьмой «А» строится у раздевалки! – услышал Рублёв.

Стал нехотя пробиваться сквозь галдящую, смеющуюся толпу к своим. Весь его сурово-снихождительный вид как бы говорил: чему радуетесь? Сегодня попрыгаем, почешем языки, а уже завтра застонем от учебной перегрузки. Набавили часов по английскому, истории, литературе. Перспектива такая, что не разгуляешься...

Он не выспался и был не в духе. Лег поздно – в последний день каникул до одури крутил любимые диски и записи. А в четыре утра его разбудил телефон. По ледящему душу вою в трубке догадался, что разговор будет вестись через спутник. Пока операторы

двух материков искали место, чтобы скрестить свои радиошпаги, он придавил телефон ухом и уснул.

– Сынуля! – вдруг позвал его отец. (Рублёв обалдело отлепился от подушки. Отца нигде не было. Его голос, как жук в спичечной коробке, скребся в трубке.) – Ты слышишь меня?!

– Аха! – заорал он спросонья.

– Как дела, сынуля?

– П-порядок...

– Бабуля как?

– Нормально.

– Я и мама... она рядом со мной стоит... поздравляем тебя с новым учебным годом!

– С чем?! А-а, спасибо...

– Надеемся, ты и на этот раз не подкачаешь!

– Лана, – небрежно, сглатывая согласную, пообещал сынуля. И спросил: – Как вы там?

Как они живут, как чувствуют себя? Можно сказать: ничего. Жара спадает. Меньше стало moskitov. Монтаж идет своим ходом. Недавно дирекция завода устроила для них поездку в джунгли. Ехали на слонах... Есть также новость, которая, наверное, не обрадует его: им продлили командировку. Но пусть он не горюет раньше времени. У них там в следующем году открывается девятый класс. Так что теперь надо лишь дотерпеть до весны...

– Что ты молчишь? – вдруг забеспокоился отец. – Ты меня слышишь?

– Аха!

– Я не понял: ты рад этому или нет?

– Чему – этому?

– Ну что через девять, от силы десять месяцев мы заберем тебя к себе?

– Ну да...

– Раз так, то веди себя все это время по-умному... чтоб, понимаешь, на твоей характеристике не отразилось. Договорились?

– Лана...

Потом трубку взяла мать. Послушала сверхлаконичные ответы сына и через тысячи разделявших их миль со вздохом отметила:

– Все еще заикаешься...

– Это тебе п-показалось, мамуля, – успокоил он ее.

В это время телефонистка предупредила, что время разговора истекло. Мать попрощалась, и в трубке стало тихо, как в гробу.

– Они звонили? – заглянула в его комнату проснувшаяся, со сна еще более старая бабуля.

– Они, – неохотно подтвердил он и натянул на голову одеяло.

– Когда приезжают?

– Скоро. Через девять, от силы десять месяцев...

Больше она ни о чем не спросила. Лишь огорченно вздохнула и ушла к себе.

После звонка он, как ни старался, не мог уснуть. Не то чтобы расстроился. Просто чего-то стало не по себе. В принципе он уже привык жить без них. Уезжали-то они всего на один год. А прошло два с половиной. Ну и ладно. Если им продлили визу, значит, у них все о'кей. Пусть работают, пусть помогают развивающейся стране. А ему и тут неплохо. Бабуля (они ее за день до своего отъезда привезли из деревни и поселили с ним) оказалась замечательной старушкой. Жить его, слава богу, не учит. В дневнике не копается. Да и что она в нем со своими тремя классами поймет? Где, с кем и до какого часа он пропадает – сама говорит: «Не мое дело». То есть рассуждает как передовой современный человек! А туда поедешь – отец с матерью с утра до вечера будут воспитывать: не сутулься, не читай

во время еды, не смотри телевизор перед сном, не носи такую прическу, не... И начнется самая настоящая *нежизнь*...

– Здорово, Колюня! – услышал Рублёв за спиной знакомый, с чуть окающим, немосковским выговором голос. Обернулся.

– К-коробок? – Глазам своим не поверил, как изменился Валерка Коробкин, его одноклассник и дружок. Загорел парнишка, вытянулся, усики появились, и стал еще красивее, чем был. Готовый кадр для загса! – Ну ты и дал свечу! – Протянул руку и изобразил великое страдание, когда Валерий легко давнул ему кисть. – П-поделись с другом, что ты такое летом ел?

– Ничего особенного, – простодушно улыбнулся Коробкин. Он и раньше многие Колюнины шуточки принимал за чистую монету.

– Я тебе летом раз пять звонил. Где ты был?

– Я?... Здравствуйте, Галина Романовна! – заодно поздоровался Валерий с англичанкой. – В своей родной Заверняевке был...

– П-представь, и я с бабулей в деревню ездил! – обрадовался Колюня, что не один он скучно провел лето. – Но больше не поеду. Там, понимаешь, почти одни старухи остались...

– А я вот так доволен! – показал Валерий рукой выше головы. – Почти полторы сотни на сенокосе заработал...

– Ух ты! – Колюня завистливо оглядел Коробкина с ног до головы. – Значит, в этом году с молочком будем?

– Чего? – не понял его Валерий.

– Я говорю: новенькая в нашей школе п-появилась.

– Где?

– За тобой стоит... слева, с цветами...

Новенькая одиноко стояла среди толпы с букетом сиреневых астр. Она была красивой девчонкой. Это Колюня сразу заметил. А на ее длинную, изящно изогнутую шею он даже засмотрелся, разговаривая с дружком. Он видел такие шеи на старинных картинах, в кинофильмах на исторические темы, а в жизни еще не встречал. Кажется, их называют лебединными. И глазища у этой девчонки – люкс. Большие, темные, с симпатичной раскосинкой. В них, как в зеркале, все хорошо отражается в цвете. Вот поднесла она к лицу астры, и глаза ее стали темно-сиреневыми.

– Ничего б-богиня? – толкнул он в плечо Валерия.

Тот обернулся, бросил короткий, боязливый взгляд на новенькую и сказал:

– Так себе. Тонкая очень...

– Сам ты урод! – возмутился Колюня.

– А чего в ней? Одни глаза...

– А шея, идиот? А волосы?

– Как хочешь, она не в моем вкусе...

– Вот и видно, что с сенокоса вернулся!

– А при чем тут это?

– При том, что ни черта в женщинах не п-понимаешь!

– Ты у нас большой знаток!..

– Представь! – не хотел кончать спор Колюня. – Посмотри на нашу Светку, – кивнул он на проходившую невдалеке от них одноклассницу Зарецкую. – Идет гордая, неприступная. А на уме что? Мечтает, чтобы ее, красотку чернооую, – подмигнул он Валерию, – кое-кто п-полюбил...

– Глупости говоришь, – защитил одноклассницу Валерий. – Она совсем не такая...

– Скажешь! Нос вымоет, зубы почистит, золотые сережки нацепит и воображает, что богиня.

– А эта? Которая за мной стоит? – дернул головой Коробкин. – Богиня?

– Ты чего?! – сразу ошетинился Колюня. – Шуток не п-понимаешь?

– Твоих – не понимаю, – сказал Валерий и опять кого-то поприветствовал. – И, честно говорю, понимать не хочу. Уж больно они у тебя...

– Чего ты разорался?! – оскорбился Колюня, хотя, если быть справедливым, из них двоих орал один он. – Плевал я хоть на ту, хоть на эту. Они меня не интересуют...

– Плевал?! – Валерий понизил голос и посмотрел по сторонам. – Думаешь, я не знаю, кто в прошлом году в класс принес фотографию голой женщины? Скажи спасибо, что я на совете промолчал.

– Валера, – чмокнул его руку Колюня, – т-ты спас мою честь!

– Считаю, что квиты, – еле стерпел Валерий издевку. – Помнишь, попались у «Метрополя», а ты все взял на себя?

Колюня помнил. Это было в шестом классе. Около этой гостиницы они выменивали у иностранных туристов советские почтовые марки на фломастеры. Когда их привели в дружку, Колюня сразу вывел Коробкина из игры, сказав, что тот просто стоял рядом.

– А знаешь, п-почему я тогда все взял на себя? – Рублёв злобно усмехнулся. – Чтобы ты рта не открывал. А то ведь, как честный маменькин сынок, мог все испортить. А я, если помнишь, насвистел им про то, про сё, капнул слезкой на протокол, и нас отпустили...

– Знаешь что?! – Коробкин вдруг всей своей покрупневшей за лето фигурой угрожающе надвинулся на Колюню. – Еще раз назовешь меня маменькиным сынком, я тебе морду набью...

– Начинай! – подставил Колюня сначала левую щеку, потом правую. – Ну что же т-ты мешкаешь, паря?!

... В это же самое время в кабинете директора школы происходило объяснение. Выражаясь языком дипломатических протоколов, в нем принимали участие: директор Всеволод Николаевич, оба завуча и предместкома Ольга Михайловна, она же ботаника и зоология, – с одной стороны, и Наталья Георгиевна, литература и русский язык, – с другой.

– Поймите, это невозможно: оставить класс на целый год без руководства! – внушала ей Ольга Михайловна, женщина, несмотря на чрезвычайную полноту, очень энергичная и настойчивая. – Придется вам, Наталья Георгиевна, расстаться с вольной казацкой жизнью и взять этот класс...

– Не могу, – подчеркнуто любезно ответила учительница. – У меня ребенок...

– У Людмилы Сергеевны тоже ребенок, – строго напомнила ей завуч физматцикла. – Но она руководит, да еще каким классом! И в школе с ними работает, и в походы ходит. Чего вам рассказывать? Сами знаете...

– Людмиле Сергеевне легче: у нее есть муж, – еще любезнее ответила Наталья Георгиевна, женщина, сразу видно, сложного характера. – Кроме того, позвольте вас спросить: почему вопрос об этом вы ставите сегодня, первого сентября, а не весной, когда у меня была возможность поискать работу в другой школе?

– Интересная вы женщина! – изумилась завуч гуманитарного цикла. – Кто же знал, что Агнесса Петровна уйдет в декрет?

– Скажите лучше, – догадалась Ольга Михайловна, – что не хотите руководить!

– Если вам это доставит удовольствие – да, – не замедлила с ответом Наталья Георгиевна.

Всеволод Николаевич, седенький мужчина, с хитроватым прищуром глаз, сидел за своим столом и в перепалку женщин не вступал. Умудренный большим опытом руководства учительским, по большей части женским, коллективом, он заранее знал, чем все кончится, но не мешал сторонам высказать свои точки зрения и излить чувства.

– В чем-то я понимаю Наталью Георгиевну, – взял он в заключение слово. – Она хороший специалист, любит свой предмет и хочет сосредоточить на нем все свое внимание... – Директор скользнул взглядом по лицам заместительниц, чтобы угадать их настроение. – Предлагаю такое решение: этим классом руководить буду я...

На белых, отвердевших от волнения щеках учительницы литературы мгновенно выступил румянец благодарности.

– Но совсем отстраняться от воспитательной работы, Наталья Георгиевна, тоже нельзя, – продолжал он. – В ваших же профессиональных интересах, понимаете?...

Директор достал план общешкольных мероприятий, долго водил по нему пальцем, выискивая что-нибудь подходящее для этой самолюбивой, держащейся особняком от всех учительницы.

– Вот... – что-то нашел он наконец. – В начале третьей четверти у нас состоится смотр ученической самодеятельности. Ответственной за его подготовку и проведение будете вы. Идет?...

Наталья Георгиевна некоторое время сраженно молчала. Румянец у нее враз исчез. Смотри – это значит полгода не знать покоя.

– Я согласна, – не поднимая глаз, хмуро ответила она. – Но давайте назовем это как-нибудь иначе! Смотри в прошлом году, в позапрошлом... это уже всем надоело. Фестиваль искусств – годится?

– Господи! – радостно колыхнулась Ольга Михайловна. Смотры были закреплены обычно за ней. – Не все ли равно, как это называть?

– Считаю вопрос решенным, – поглядел на часы Всеволод Николаевич и встал. До начала линейки оставалась одна минута.

... Рублёв и Коробкин несколько увлеклись выяснением отношений. В решительный момент к ним подбежала легкая, как девчонка, учительница, их классная.

– Эй, друзья?! – поглядела она тому и другому в глаза. – Вы что это?

– По одному вопросу разошлись, Людмила Сергеевна, – с мрачной ухмылкой доложил ей Рублёв.

– По какому? – встрепелась она.

– По женскому.

– Рублёв... – неодобрительно покачала она головой. – Я-то думала, за лето ты станешь серьезнее... А это что такое?! – вытащила она из его оттопыренного кармана пластмассовую коробочку.

– Сейчас... – Рублёв близоруко склонился и спросил: – Шахматы?

– Трепло несчастное! – не сдержала улыбки учительница. Вернула шахматы и предупредила: – Если увижу или услышу, что вы играете на уроках, мигом вас рассажу!

– Людмила Сергеевна! – потребовал справедливости Коробкин. – На ваших уроках мы никогда не играли!..

– А на литературе?... А на уроках Ольги Михайловны?

– Это было, – правдиво опустил Валерий голову.

– Он хороший, он больше так никогда не будет! – горячо заверил ее Колюня и, лаская пристыженную голову Коробкина, погладил его «против шерсти».

– Хороший – и ничего плохого в этом не вижу, – заступилась классная за Валерия. – И ты, по-моему, неплохой парень. А когда молчишь, так просто золото...

Заметив, что Всеволод Николаевич уже стоит у микрофона и ждет полной тишины, впихнула обоих в шеренгу и побежала к толпе учителей, ровно выстроившихся за директором.

– Дорогие ребята! – с чувством начал Всеволод Николаевич. – Сегодня чудесный день!..

Вся линейка на эти его слова отозвалась взрывом развеселого смеха: за окном от дождя и хмари было темно, как в сумерках.

– Я знал, что вы отреагируете именно так, – лукаво глянул на линейку директор. – Но день-то и в самом деле чудесный! Первое сентября! День, когда мы вместе с вами начинаем борьбу за прочные знания, за крепкую дисциплину...

Больше никто не смеялся.

Но те, кто не наговорился до начала линейки, с вдохновенно устремленными на оратора лицами продолжали переговариваться.

– Ты будешь заниматься в астрокружке или, как в прошлом году, один раз приедешь, пять раз пропустишь? – примирительным тоном спросил Валерий Рублёва: не хотелось ему, чтобы их стычка переросла в ссору.

– С тобой за компанию – п-пожалуйста!

– Конечно, вдвоем ездить намного веселее, – сразу оживился Коробкин. – В дороге не замечаешь, как время идет...

Колюня перевел умильный взор с оратора и с преувеличенной любовью посмотрел на дружка.

– У меня идея! – задышал он ему в ухо. – Я тебе подарю б-балалайку! С ней тебе будет еще веселее, чем со мной.

Колюня зажал рот рукой, чтобы не расхохотаться на всю линейку: до того натурально рассвирепел невозмутимый Коробок!

– Скот ты, Рублёв! – сказал Валерий и, не обращая внимания на красноречивую паузу в речи оратора, вышел из строя и с кем-то поменялся местами.

До конца линейки на Колюниных устах играла кривая улыбочка. Ну и психом заделался Коробок! Чувства юмора – ни капельки! Это после каникул и здорового физического труда на сенокосе! А что будет потом? Ой-ой...

В то же время Колюня сам не вполне понимал, зачем он привязался к Валерию. Классная права: он ничего мальчишка. Не дурак. Учится почти на одни пятерки и берет, чего там говорить, не одной усидчивостью, есть у него и мозги. Может, даже самые лучшие в классе. Классная сколько раз говорила, что ему надо было идти не в языковую школу, а с физматуклоном. Но Валериной мамочке ужасно хочется, чтобы ее сыночек говорил, писал и читал на иностранных языках.

И все же Колюню в Коробкине что-то раздражало. Или, может, попадись ему под руку кто-нибудь другой – он бы на другом отыгрался? Что-то у него с настроением в те дни происходило. То петь от радости начнет, то глаза бы ни на кого не глядели! На днях захотелось выпить пепси. Опустил в автомат монету. А в ответ не получил ни шиша. И так вдруг разозлился, что стал бить кулаком по неисправному автомату, пока какой-то прохожий, здоровенный дядя, не оттащил его в сторону.

Перед первым сентября Колюня проходил диспансеризацию. Поинтересовался у врача-невропатолога, отчего это он с пол-оборота заводится.

– Обычно это наблюдается у людей с отклонениями, – ласково пояснила она. – И у вас, подростков, тоже.

Он быстро сказал ей «спасибо» и пошел проверять зрение.

Колюня и друг его единственный

Внешние данные Рублёва такие. Рост – типичный для акселератов наших дней, что-то около 180 сантиметров. Фигура худощавая, вернее сказать, костлявая. Плечи, локти, колени заострены. Каждый позвонок на спине проглядывает шипом. Волосы – ярко-рыжие, нос –

вздернутый. Глаза точно такого же блекло-голубого цвета, как, прошу простить за сравнение, у много раз стиранных джинсов.

В детстве его как только не называли. И Колькой, и Ником, и Рублём, и Копейкой. Но вот все отсеклось, и навсегда закрепилось – Колюня.

Это имечко он получил за свой острый язычок. Боюсь, перед лицом такого факта, как заикание Рублёва, мое утверждение прозвучит неубедительно. Да, почти каждая фраза у него рождается в муках. По лицу пробегает судорога, голову бросает из стороны в сторону... Зато у него всегда в запасе секунды две, чтобы подобрать слово поточнее и поострее и потом поглубже вогнать его в душу противника!..

Все было бы ничего, жалься он, как, к примеру, пчелы, лишь в порядке самообороны. Увы, Колюня обычно нападал первым. И жалил с удовольствием и написанным на лице убеждением, будто для того и родился на свет, чтобы указывать другим на их недостатки.

В классе было несколько человек, которых он прямо-таки жаждал переделать. К ним мы можем смело причислить Караева и Мазаева – дружных, жизнерадостных, но не слишком-то озабоченных самообразованием мальчишек, за созвучие фамилий и родство душ прозванных (Колюней же!) «братьями Карамазовыми». Он изо всех сил старался доказать им, что они – серые. И чем только при этом не пользовался – вплоть до шуток с бородой.

– Братья! – однажды на перемене, перед сочинением, обратился он к ним за помощью. – Не п-помните, что говорил Пушкин о Льве Толстом?

«Братья», возбуждая мозговую деятельность, стали быстро-быстро растирать виски. И лишь когда в классе все начали давиться хохотом и сползать под парты, сообразили: Колюня их разыграл...

Много крови он попортил Оле Самохваловой, председателю совета отряда, а затем комсоргу класса, деятельной девчонке с вечно пылающими щеками и тяжеловатой для ее возраста статью. Он постоянно привязывался к Оле из-за сумки, с которой она ходила в школу. Сумка в самом деле не отличалась изяществом, формой и размерами напоминала больше хозяйственный баул. Но Олю она устраивала. Помогая матери (отец от них ушел к другой женщине) растить сестренку и братика, она сразу после уроков заходила в продмаг и отоваривалась. И никакие Колюнины намеки на то, что с такой сумкой лучше бы на базар ходить, а не в школу, не воспринимала. Но сильнее всего Колюню выводили из себя Олины старания сделать его примерным мальчиком. Из-за этого он боялся попадаться ей на глаза. А уж коль попадался, она обязательно поручала ему что-нибудь. То останься после уроков и помоги ей выпустить стенгазету. То поднатаскай ее туповатого соседа по парте Витька Перовского по русскому. То...

В таких случаях Колюня всегда начинал с превознесения Оли как человека.

– С-начала, Олька, дай сказать, что я о тебе думаю. Душа горит.

– Очень надо! – отворачивалась она, чуя какую-то каверзу.

– Самая п-порядочная девчонка в классе.

– Прекрати! – требовала она, но не слишком категорично.

– Д-добрая, сознательная. За что ни возьмешься, все п-получается...

– Кому сказала?! – замахивалась она сумкой-баулом, а от ее щек исходила уже пожарная опасность.

Колюня умолкал, но лишь для того, чтобы прокричать:

– А раз ты т-такая, сама и делай!

И заходилась идиотским, похожим на икоту смехом.

«Братья» и другие (включая некоторых девчонок), кого Колюня доводил своим язычком, пытались повлиять на него средствами, не предусмотренными школьным уставом. Но было замечено: чем больше его колотишь, тем злее его шуточки.

И самое интересное, что он еще и выбирал, с кем дружить, а кого держать на расстоянии!

В шестом классе он выделил и приблизил к себе Валерия Коробкина. Почему именно его? Подобно многим людям, Колюня выше всего ценил в других то, чего остро не хватало ему самому. Валерий с малых лет отличался взрослостью. Был немногословен. Имел перед собой, не то что другие в классе, ясную цель: стать астрофизиком. Не спорил о том, чего не знал, и о том, что знал наверняка. Этим он и был симпатичен Колюне, который, увы, не обладал ни одним из вышеназванных достоинств.

Их отношения сложились так, что они стали захаживать друг к другу в гости. (В старину это называлось: дружить домами.) Колюня, приходя к Валерию, первым делом списывал у него по физике и математике, предметам, которые он не любил и плохо понимал. Но долго не задерживался. У Коробкиных была однокомнатная квартира. Это еще было бы ничего, но на Колюнину психику сильно давило присутствие матери Валерия, дворничихи дома. (С Коробкиным-отцом, неизлечимым алкоголиком, она развелась и уехала от него в Москву.) Женщина рано постаревшая, раздражительная, она то и дело поругивала сына, а если тот не давал повода, принималась за Колюню.

У Рублёвых, в трехкомнатной, друзья делали что хотели! Готовили уроки под рок-музыку, играли в шахматы, валяясь на паласе, смотрели телевизор, и никто им – какая красота! – ничего не говорил. Колюня разрешал Валерию сколько угодно рыться в стеллажах и брать с собой книги, каких в районной детской библиотеке век не дождешься. Но больше всего Валерию нравилось, что у Рублёвых он мог полностью расслабиться. Вместе с Колюней дурачился и кривлялся под музыку. Отдыхая, задирали по-американски ноги на стол. У себя дома он не мог ничего такого себе позволить.

В седьмом классе Людмила Сергеевна устроила Валерия в астрокружок при Московском планетарии. А некоторое время спустя членом этого кружка стал и Колюня. Начали друзья через всю Москву два раза в неделю ездить в планетарий. Колюня написал о Валерии и кружке родителям. Те возрадовались: наконец-то сынуля нашел свое призвание! Разжигая в нем похвальный интерес к иным мирам и планетам, расщедрились и прислали телескопическую трубу с отличной цейсовской оптикой. Теперь Валерий пропадал у Рублёвых допоздна: чередуясь друг с другом, они наблюдали ночное небо.

Правда, Колюне это занятие скоро надоело. Трубу он стал употреблять не по прямому назначению. Придав ей горизонтальное положение, в дневное время наблюдал, что происходит на ближайшей к нему планете – Земле. Это ему было интереснее. И астрокружок стал посещать все реже и реже...

После случая у «Метрополя» его визиты к Коробкиным прекратились. Мать Валерия объявила Колюню персоной нон грата². Но это было не все. Она также сходила в школу и изложила классному руководителю, Людмиле Сергеевне, свой взгляд на Рублёва: с жиру бесится мальчишка, у таких, как он, заевшихся, избалованных детей, нет никаких стремлений, кроме как все брать от жизни и ничего не давать ей взамен. Попросив отсадить сына от Рублёва, предупредила классную: «Втянет он Валерия еще в какую-нибудь авантюру, я пойду к депутату и попрошу принять меры...»

Все свои естественные, но несбывшиеся мечты о семейном счастье эта женщина перенесла на сына, сочетая материнскую заботу о нем с неукротимой строгостью. Дошла до министра и устроила Валерия в спецшколу и при малейшей тревоге за его судьбу приводила в движение почти что всю государственную машину. Она себе во многом отказывала, но для сына ничего не жалела. Так что трудно сказать, кто же из них, Колюня или Валерий, был избалован сильнее.

² Персона нон грата – нежелательное лицо (*лат.*).

Но даже она, невзлюбив Рублёва, могла только то, что могла. Валерий и после случая у «Метрополя» дружил с Колюней, бывал у него дома. И классная, хотя имела право, не стала их рассаживать. Наоборот, считала она, эти двое, каждый по своим причинам, нуждаются друг в друге.

Обряд рассаживания

Первым уроком в восьмом «А» по расписанию была история, но все началось с физики. В этой школе, как и во всякой другой, учителя договариваются меж собой, чтобы первый урок провести в своем классе.

Людмила Сергеевна вошла в класс не одна.

– Ребята, это наша новенькая! – с широкой улыбкой, словно лично ей был преподнесен хороший подарок, представила она ученицу с букетом сиреневых астр. И тут же спохватилась: – Фамилию знаю: Малышева. А как тебя звать?

– Екатерина.

– Катя то есть? – умилилась классная. – Как хорошо! У нас есть и Тани, и Оли, и Светы... А ты будешь первой и единственной Катей.

Новый человек в классе – всегда событие. Что за птичка прилетела к нам? Откуда? Почему?... Девочки восьмого «А» в упор разглядывали Малышеву пристально-ревнивым взглядом, мальчики – исподволь, но заинтересованно.

Один Колюня не глядел на нее. Он разозлился на новенькую. Обязательно было в их класс приходиться? В школе еще три восьмых. Он поискал глазами Коробкина. Ага, сел впереди, спиной к нему. И не оглянется. Нет, все же один раз посмотрел – когда увидел новенькую. Посмотрел коротко и, как показалось Колюне, насмешливо. Вот, мол, явилась как по заказу, начинай с ней свои шуры-муры...

– Ты где училась до нашей школы?

Классной это самой надо было знать, классу – тоже полезно.